

Аргументационная техника Верховного Суда Великобритании

Александр Евсеев

В настоящей статье анализируется аргументационная техника высшего органа в системе судебной власти Великобритании – Верховного Суда. Исследуются основные виды аргументации, которые могут быть использованы его судьями при составлении решений. Подчеркивается, что одной из характерных особенностей современного судебного дискурса является метафоричность юридического языка, его неформализованность, оплавление ранее казавшихся незбылемыми теоретических конструкций.

→ *Юридическая аргументация; аргументационная техника; Верховный Суд Великобритании; судебный прецедент; англосаксонское право; Палата лордов; особые мнения*

Аргументационная техника британских судебных решений радикально отличается от аналогичного явления на европейском континенте. Как писал еще Р. Давид, «английские судьи — во всяком случае, в высоких судах — достаточно пространно излагают мотивы своих решений и делают это в свободной, рассуждающей манере, далекой от краткости и строгости изложения мотивов решения во французском суде. При этом судья нередко формулирует общие положения, выходящие за рамки данного дела»¹.

Напротив, более близкие нам французы (в связи с этим нелишним будет напомнить, что французский был предпочтительным разговорным языком высшего слоя русского общества, а первая глава книги Л. Н. Толстого «Война и мир» наполовину занята диалогами на французском языке) полагают, что «судебное решение, сжатое в одной фразе, считается тем более совершенным, чем оно короче и выдержаннее в том самом концентрированном стиле, который понимают и которым восхищаются лишь опытные юристы»². В свете сказанного становится понятным следующее утверждение немецких компаративистов К. Цвайггерта и Х. Кетца: «Не подлежит сомнению, что Кассационный суд тщательно

изучает материалы дела. Но внешне все выглядит так, будто решение было принято с помощью волшебной палочки, извлекающей нужную норму из текста закона»³. Стоит ли поэтому удивляться, что решения французского Кассационного суда, как, впрочем, и высших судов в странах СНГ, редко превышают 4–5 страниц машинописного текста, а иногда вовсе состоят из нескольких строчек?

Описанный лапидарный лаконизм континентального права имеет мало общего с британской практикой. Здесь уместно привести слова лорда Мэнса из его лекции перед студентами Бирмингемского университета: «Решения судов “общего права” примечательны прежде всего благодаря их индивидуально окрашенному стилю. Это происходит оттого, что их пишут бывшие адвокаты [из числа которых формируется британский судейский корпус. — А. Е.]. Все это резко контрастирует с более унифицированным и менее колоритным стилем, который мы наблюдаем в странах континентального права»⁴. В подтверждение его слов приведем зачин одного из решений баронессы Б. Хэйл (когда она работала в Высоком суде Лондона): «Истец пережил жестокое разочарование в понедельник, 3 июля 1995 года. Он полагал, что выиграл

50 тыс. фунтов в лотерею, разыгрываемую в тот день редакцией газеты “Daily Mirror”. Редакция думала иначе...»⁵

Наверное, не стоит видеть в таком стиле только пустые «игры разума», жалкую попытку хоть немного приблизиться к подлинным шедеврам своих великих писателей. В действительности подобная техника изложения размышлений судьи имеет под собой серьезную подоплеку. В первую очередь, она объективно обусловлена господством прецедентного права, наблюдаемого в англосаксонской системе. Более того, техника приведения мотивов судебного решения составляет центральный технический элемент учения о судебном прецеденте. Неслучайно английский исследователь Р. Кросс включил в свою книгу в качестве самостоятельной главы тему «Прецедент и судебная аргументация»⁶. Как отмечается в литературе, «судья обязан составить мотивированное мнение (*opinion*) для обоснования выносимого им решения. Мнение судьи должно быть оформлено в полном соответствии с давнишними судебными традициями, включающими... традиционное требование системы общего права представить “мотивированное уточнение” (*reasoned elaboration*) судебного прецедента и другие стандарты “профессионального мастерства” (*craftsmanship*) в отношении мотивированного решения и составления письменного мнения по делу»⁷. Таким образом, все стилистические красоты отчасти могут трактоваться как проявление профессионализма судьи, его умения надлежащим образом мотивировать свою позицию по делу и облечь ее в безупречную с литературной точки зрения форму.

Важно, что здесь дает о себе знать один психологический момент. Когда судья А определяет, каким принципом руководствовался судья В, решая дело С, он во многом находится под влиянием слов и выражений адвокатов, благодаря активности которых ему стал известен тот или иной прецедент из множества сотен тысяч судебных решений, выработанных в незапамятные времена и принимаемых фактически ежедневно. Выбор же применимого в рассматриваемом деле судебного прецедента является результатом его дискреционного усмотрения. Следовательно, задача сторон и их представителей состоит в том, чтобы подкрепить свою позицию такими предшествующими судебными решения-

ми, которые будут максимально убедительно выглядеть в глазах именно этого судьи, что, в свою очередь, недостижимо без учета его происхождения, биографии, предшествующего социального и профессионального опыта, других факторов более личностного, нежели нормативного свойства.

Именно в этом смысле следует понимать известное высказывание верховного судьи Б. Кардозо о «логике вероятности»: победа в англо-американских судах достается не сторонникам непреклонной правовой логики (как это имеет место на континенте) и уж тем более не тем, кто против всяких правил и прецедентов, а тому, кто сумеет совместить эти две тенденции, приспособив имеющиеся прецеденты к конечной цели, к соображениям целесообразности, к интуиции и убеждениям судьи, рассматривающего конкретное дело⁸.

Примечательно, что согласно сложившемуся обыкновению Верховный Суд Великобритании, как и его предшественник, не принимает во внимание те аргументы, которые не были предметом оценки в нижестоящих судах⁹. Так, в деле *Datec*, рассмотренном Апелляционным комитетом Палаты лордов в 2007 году, факты, установленные судьей в первой инстанции, были отвергнуты Апелляционным судом, и комитет постановил, что решение второй инстанции было обоснованным. Дело в том, что судья первой инстанции на основании лишь скудных исходных данных отверг предположение о похищении товаров водителем, а Апелляционный суд постановил, что имело место необоснованное толкование фактов: судья расценил пропажу товаров как ошибку водителя перевозчика, приняв за истину его объяснения (доставка товаров по неправильному адресу и т. п.), в то время как факты свидетельствовали о краже чужого имущества¹⁰.

Добавим к сказанному, что данное дело является классическим примером проверки выводов, сделанных из исходных фактов, что опять-таки отличает Верховный Суд от кассационных судов, действующих на континенте. В связи с этим нелишне напомнить, что в Европе после второй инстанции (апелляция) судебное решение становится «окончательным» с точки зрения фактических обстоятельств дела. Далее дается определенный срок на реализацию права на пересмотр дела по правовым основаниям, то есть на касса-

цию, однако в третьей инстанции споры о фактах уже не допускаются. В Великобритании, как видим, ситуация иная (по этому поводу лорд Аткин заметил однажды, что «непоколебимость судебного решения, конечно, вещь хорошая, но правосудие важнее»¹¹).

Известный украинский конституционалист Н. И. Козюбра в статье, посвященной теории юридической аргументации, заметил, что в англосаксонской правовой семье юристы всегда отдавали приоритет индукции (достижению общего правила на основе конкретных фактов) перед дедукцией (от общего к частному), отталкиваясь при принятии решений в большей степени от фактов реальной жизни, нежели от правовых норм¹². Именно здесь заключены истоки так называемой школы правового реализма, представителями которой являются практически все англичане (за исключением, разумеется, Шерлока Холмса с его «дедуктивным методом»). Это обстоятельство проливает свет на то, почему большинство судебных решений (вспомним вышеприведенные сентенции Б. Хэйл) всегда начинаются с хотя бы и краткого изложения фактов. Однако, развивая основные положения этой школы, британские юристы идут еще дальше. Как писал лорд Ллойд, «судьи, как и все другие люди, не могут игнорировать систему ценностей, существующую в обществе, к которому они принадлежат»¹³. Как следствие, в странах, находящихся в лоне «общего права», судья должен не только подыскать соответствующий прецедент, а затем использовать его при разрешении дела, но также наполнить его собственными представлениями о законном и справедливом, как бы ввести в готовящееся решение свои нравственно-правовые принципы.

В этом отношении хрестоматийным примером является дело Дж. Сомерсета. В 1772 году чернокожий раб вместе со своим хозяином прибыл из Виргинии в Англию. Когда плантатор собрался вернуться в Америку, Сомерсет сбежал, но был пойман и закован в цепи. Как известно, рабство было нормой в Новом Свете, и Сомерсет вывезли бы из Англии, но согласно нормам «общего права» суд был обязан проверить законность лишения человека свободы в порядке процедуры *habeas corpus*¹⁴. Лорд-судья Мэнсфилд решил, что «воздух Англии слишком хорош для рабства» (*this air is too pure for a slave to*

breathe in), и объявил негра свободным¹⁵. Таким образом, говоря словами Р. Паунда, «общее право» — это скорее особые приемы разрешения правовых проблем, нежели фиксированная совокупность правил и норм¹⁶.

В британской судебной аргументации (Верховный Суд не составляет в этом отношении исключения) важная роль отведена также рассуждению по аналогии. К примеру, в деле *Donaghue v. Stevenson* была сформулирована правовая позиция, в соответствии с которой производители продуктов обязаны проявлять заботу о потребителе, чтобы по своей вине при подготовке или поставке продуктов не причинить ущерб жизни или имуществу потребителя. Однако подвести под данное *ratio decidendi* (лат. — основание, мотивы решения) можно не только производителя А, который вследствие неосторожной вины продает отравленное мороженое маленьким детям (именно эти обстоятельства составили фактулу упомянутого дела), но и по аналогии владельца прачечной Б, который по неосторожности не удалил химические вещества с одежды, что привело к кожным заболеваниям людей, носивших эту одежду¹⁷. Теперь становится понятным, почему в начале практически каждого решения Верховного Суда излагаются фактические обстоятельства рассматриваемого дела — тем самым судья как бы подготавливается совершить заключение по аналогии, лежащее в основе прецедентного права. При этом, как подчеркивают Е. В. Кудрявцева и Л. А. Прокудина, «убедительность решения в известной мере зависит от того, насколько умело и логично соединены элементы его мотивировочной части, в том числе признанные установленными факты, применяемые нормы и выводы о правоотношениях сторон»¹⁸.

Вместе с тем осуществляемая судьей аналогия между делами, подчас весьма разномасштабными, обязана быть корректной. В Великобритании для достижения этой цели применяется метод доктора Гудхарта. Согласно ему для заключения по аналогии необходимо, во-первых, убедиться в том, что существенные факты одинаковы в деле, по которому был установлен прецедент, и деле, разрешаемом судьей в данный момент, а во-вторых, выявить в прецедентном решении основанное на этих фактах *ratio decidendi*, применив его к тому делу, которое сейчас находится в про-

изводстве у судьи¹⁹. Как признался однажды лорд Хоффманн, быть может, самое трудное при написании судебного решения — это изложить фактические обстоятельства дела таким образом, чтобы, с одной стороны, опустить ненужные или малозначительные детали, а с другой — сакцентировать внимание на тех фактах, которые будут ключевыми при осуществлении указанной логической процедуры²⁰.

Прежде чем перейти непосредственно к аргументационной технике, используемой Верховным Судом, хотелось бы остановиться на трех основных правилах толкования законодательных актов (*statutory law*) — некогда сосланных в глухую провинцию по причине «господства прецедента», а ныне наиболее востребованных источников права, удельный вес которых в британской правовой системе повышается буквально с каждым годом, лишний раз свидетельствуя в пользу взаимопроникновения двух систем: континентальной и англосаксонской.

Итак, этих правил три. Первое из них — буквальное (*literal rule*), сформулированное лордом Эшером в решении по делу *R v. Judge of the City of London Court* еще в 1892 году. В соответствии с ним «если слова статута ясны, вы должны следовать им, даже если они ведут к явному абсурду. Вопрос о том, не совершил ли законодательный орган нелепость, не может занимать суд»²¹. При буквальном правиле, даже если существует подозрение, что язык статута и истинное намерение законодателя не совпадают, судья не должен об этом беспокоиться. Вся ответственность за абсурдные последствия применения такой нормы возлагается на законодателя.

Своего рода модификацией буквального толкования является «золотое правило» (*golden rule*). Последнее означает, что «мы должны взять статут в целом, придавая словам их обычное значение до тех пор, пока... они не произведут несообразности, или нелепости, или неудобства, столь значительных, что это убедило бы суд, что намерение законодателя не могло быть в том, чтобы использовать их в их обычном значении, и не дало бы основание суду приписать им иное значение, которое, будучи менее строгим, является все же таковым, которое, на взгляд суда, слова должны бы иметь»²². Как видим, суть данного интерпретационного метода сводится к тому,

что во избежание абсурдных последствий в случае буквального толкования, судья обязан восстановить «подлинное значение» статута с тем, чтобы избежать этих последствий.

И наконец, «правило исправления зла» (*mischief rule*) предлагает судьям активно способствовать достижению законодательных целей. Согласно классической формулировке этого правила из дела *Heydon* (1584) при толковании законодательного акта судьям следует рассмотреть, «какое средство Парламент изыскал и назначил для лечения общественного недуга», «и затем долг судьи состоит в том, чтобы дать такое толкование, которое подавило бы зло, принесло бы успех этому средству и подавило бы наималейшие ухищрения и уклонения, направленные к продолжению зла... придало бы силу и действенность средствам исправления и защиты, согласно истинному намерению создателей акта»²³.

Несколько слов о структуре решений Верховного Суда.

Прежде всего необходимо учитывать, что говорить о решении Верховного Суда в континентальном понимании этого слова как о целостном, внутренне непротиворечивом и имеющем четкую формальную структуру акте можно с большой долей условности. Любое решение (*judgment*) высшего органа судебной власти Великобритании состоит из калейдоскопа индивидуальных решений судей, обычно пяти, объединенных разве что общей «шапкой» (объединительные реквизиты включают в себя наименование: а) апелланта; б) ответчика; в) судебного состава, постановившего решение; г) даты его принятия; д) даты проведения слушаний; е) адвокатов сторон и привлеченных с одной или обеих сторон *interveners* — «третьих лиц», а также юрисконсультов последних) да, пожалуй, итоговым выводом, к которому в конечном счете пришел каждый из судей, участвовавших в рассмотрении дела: удовлетворить (*allow*) или отклонить (*dismiss*) поданную заявителем апелляцию.

Среди этого множества выделяют так называемое лидирующее решение (*leading judgment*), которое излагается первым и принадлежит нередко президенту Верховного Суда или его заместителю²⁴. Оно, в свою очередь, начинается с изложения фактических обстоятельств дела (что, впрочем, не мешает

другим судьям в своих решениях вновь описывать эти факты, несколько по-иному их интерпретируя), а также подлежащего разрешению вопроса права. Затем следует детальный разбор этих обстоятельств с точки зрения статутного и прецедентного права, Акта о правах человека 1998 года и Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года, иных международно-правовых документов, ратифицированных Великобританией, научной литературы. Важно, что после дела *Pepper v. Hart* (1993) британские судьи получили право обращаться к материалам парламентских слушаний, публикуемых в сборниках «Hansard», что, в свою очередь, открывает перед ними возможность осуществлять исторический обзор, касающийся истоков появления закона, и получать информацию о его обсуждении в парламенте.

Далее возможны два варианта развития событий: либо каждый судья в своем решении приводит все новую и новую аргументацию, наращивая тем самым аргументационное поле, которым оперирует Верховный Суд (подобный подход, например, имел место при вынесении решения по «делу Ассанжа»), либо (чаще всего) оставшиеся судьи солидаризируются одним или несколькими предложениями с «лидирующим решением» (как, скажем, это было в деле *Zakrzewski v. the Regional Court in Lodz, Poland*, где к решению лорда Сампшна присоединились лорды Нейбергер, Керр, Кларк и Уилсон). Традиционно при этом используются такие фигуры речи, как «мне нечего добавить к решению почтенного лорда X» или «я согласен с решением почтенного лорда X». В период существования Апелляционного комитета Палаты лордов особой популярностью пользовался оборот «я имел удовольствие прочесть проект речи почтенного лорда X...»²⁵.

Следует подчеркнуть, что подобная практика не только не ушла в прошлое, но даже получила «второе дыхание» с назначением в конце 2012 года на пост президента Верховного Суда лорда Нейбергера, который, насколько нам известно, активно ратует за то, чтобы решение, постановляемое от имени Суда, было одно (так называемое *composite opinion*). И хотя это заметно облегчает жизнь самим судьям и потребителям их продукции (прежде всего, нижестоящим судам и практикующим юристам²⁶), тем не менее складыва-

ющееся обыкновение косвенно способствует конформизму, при котором, как известно, имеет место механическое присоединение судебного состава к позиции того судьи, который осуществлял предварительную подготовку дела к слушанию или выступает по нему докладчиком. Однако не нами замечено, что всякое постороннее влияние, слепое следование авторитету, мнению большинства, так же как и в обыденной жизни, ведут к несвободе и отсутствию независимости, а уж судебское правосознание деформируют летально. Как заметил по отношению к этой практике лорд Хоуп, «нам следует ценить свою независимость друг от друга и право говорить то, во что мы верим»²⁷. Кроме того, наметившаяся тенденция лишает решения высшей судебной инстанции Великобритании той неповторимой игры мысли, которой всегда славилась британские судьи и за которой так интересно следить читателю. Как следствие, возникает опасность, что со временем решения Верховного Суда превратятся, по выражению М. Вебера, из «личного творческого произведения судьи, которое цитируется по имени последнего, в анонимные и бюрократические решения судей, заседающих в европейских трибуналах»²⁸.

Справедливости ради отметим, что во избежание подобной психологической «ловушки» судье Верховного Суда предоставлено право заявить свое особое мнение, именуемое *dissenting judgment* (буквально: «несогласное решение»). По подсчетам баронессы Б. Хэйл, особые мнения содержатся примерно в пятой части решений, принятых Верховным Судом, что вполне сопоставимо с аналогичным показателем, имевшим место в период существования Апелляционного комитета Палаты лордов, но заметно ниже доли особых мнений в Верховном суде США или Высоком суде Австралии²⁹. Интересно, что лидерами по количеству заявленных особых мнений являются ирландец лорд Керр (он имел особое мнение в отношении 15 % дел, в рассмотрении которых принимал участие) и представитель Шотландии лорд Роджер (в отношении 15,9 % дел). Последнего по аналогии с американским верховным судьей О. У. Холмсом младшим некоторые коллеги называли «великим несогласным» (*the great dissenter*). Далее идут лорд Браун (14 %) и баронесса Б. Хэйл (9 %) ³⁰.

Удивительно, что даже в цивилизованной и либеральной Великобритании, воздух которой, если вспомнить наш пример с чернокожим рабом, буквально пропитан свободой, судьи, заявляющие особые мнения, нередко подвергаются остракизму со стороны своих менее свободололюбивых коллег. В частности, резкой отповеди коллег был удостоен лорд Николс, употребивший в своем особом мнении по делу *R(Wardle) v. Crown Court at Leeds* для характеристики позиции большинства вместо обтекаемого английского политеса эпитеты «откровенный абсурд», «ничего, кроме бессмыслицы», «иррациональное решение»³¹.

В связи с этим уместно вспомнить, как 1 января 2010 года Президент РФ Д. А. Медведев прекратил полномочия судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова, являющегося абсолютным лидером по количеству особых мнений, а другой судья — В. Г. Ярославцев, несколько реже прибегавший к указанной возможности, с ведома главы государства был исключен из состава Президиума Совета судей РФ. Стало быть, любая власть в любой стране мира рассматривает особые мнения как серьезную угрозу монолитной солидарности судейского корпуса, как некий сбой в системе властной вертикали, в которую, по ее убеждению, вмонтирован и высший судебный орган. Отличие, пожалуй, состоит только в степени суровости санкций, применяемых к несогласным (от корпоративного порицания до отставки с занимаемой должности). Как там у Андрея Вознесенского? «Российская империя — тюрьма, но за границей та же кутерьма...»

При характеристике аргументации, используемой Верховным Судом, важно учитывать, что в делах высокой сложности (*hard cases*) одна и та же проблема может быть выражена в абсолютно разных судебных решениях, содержание которых во многом будет зависеть от ценностных ориентаций и взглядов, разделяемых теми, кто правомочен эти решения принимать. И хотя диапазон таких отклонений, вызываемых действием субъективных факторов, объективно ограничен (главным образом статутным правом и предшествующими судебными прецедентами), тем не менее эти отклонения вполне достаточны, чтобы привести к неоднозначности правовых выводов и решений.

Например, в деле *R v. Islam* судьям предстояло ответить на вопрос, можно ли считать цену за героин, негласно существующую на «черном рынке», рыночной. Лорды Мэнс, Хоуп и леди Хэйл в своих решениях пришли к выводу, что да, хотя бы по той простой причине, что иного критерия, к сожалению, не существует. Однако лорд Нейбергер не согласился с ними, указав в своем особом мнении, что такая постановка вопроса легализует нравы и представления преступного мира, косвенно способствуя стиранию границ между законодательными дефинициями и бандитскими «понятиями»³². Аналогичная ситуация сложилась при разрешении дела *Campbell v. MGN*. Фабула этого дела сводилась к тому, что топ-модель Наоми Кэмпбелл подала в суд на газету «Daily Mirror», опубликовавшую ее фотографии во время лечения в клинике для наркозависимых. Высокий суд встал на ее сторону, но апелляция (в которой тогда работал лорд Филлипс, будущий первый президент Верховного Суда) отменила решение первой инстанции. В итоге Апелляционный комитет Палаты лордов тремя голосами против двух констатировал нарушение права на неприкосновенность частной жизни манекенщицы со стороны репортеров, с чем не согласились лорды Николс и Хоффманн. Свою позицию они мотивировали, в частности, тем, что Кэмпбелл в своих многочисленных интервью и так никогда не скрывала своих проблем с наркотиками³³.

Добавим к сказанному, что все индивидуальные решения и особые мнения судей имеют сплошную нумерацию; каждый абзац, именуемый параграфом, обозначается арабскими цифрами. В судебное решение подчас инкорпорируется текст нормативных актов, на которые ссылаются судьи, что также значительно повышает его объем³⁴.

Помимо прочего, в британской правовой доктрине выработаны некоторые требования к аргументации, содержащейся в судебных решениях. В частности, в литературе отмечается, что доброкачественное (*good quality*) решение Верховного Суда должно соответствовать следующим критериям: 1) высказывания лордов, использованные в нем, обязаны быть ясными и понятными читателю, по возможности не допускать двусмысленного толкования; 2) в решении должно быть показано, каким образом оно вытекает из предыдущей

судебной практики (специфика, объясняемая существованием в Великобритании прецедентного права); 3) в аргументации нуждается каждое положение или каждое утверждение, которое ведет от проблемы к решению³⁵. Иногда по отношению к судебным актам применяют забавный тест, выражаемый формулой:

$$206.853 - [(1.015)w + (84.6)s],$$

где w — среднее количество слов в предложении, а s — среднее количество слогов в слове. Если при подсчете вы получили цифру более 50, то словесное оформление вашего решения вполне удовлетворяет требованиям английского языка³⁶.

Какими же аргументами чаще всего оперируют британские верховные судьи, помимо, разумеется, детерминированных прецедентной системой формально-логических (аналогия, индукция и проч.) аргументов? Думается, что таковых можно выделить четыре: а) литературно-публицистические; б) историко-правовые; в) сравнительно-правовые; г) международно-правовые. Остановимся на них подробнее.

Что касается **литературно-публицистических аргументов**, то отметим, что хотя они используются далеко не всеми судьями, тем не менее их востребованность при осуществлении правосудия, особенно в высших инстанциях, во сто крат выше, чем, например, в нашей стране. Так, в первом же своем решении в статусе судебного лорда по делу *Tesco Stores Ltd v. Secretary of State for the Environment* (1995) лорд Хоффман процитировал отрывок из стихотворения самого недооцененного, по мнению газеты «Times», британского поэта XX века Ф. Ларкина³⁷, а скажем, старший судебный лорд Бингхэм не раз обращался к роману Ч. Диккенса «Холодный дом», в котором речь идет о жестокости и несправедливости канцлерского суда. И уж, конечно, сразу бросается в глаза зачин «лидирующего решения» первого президента Верховного Суда лорда Филлипса по делу *R v. Governing Body of JFS*, в котором он процитировал отрывок из обращения пророка Моисея к народу израильскому на горе Синай. Специалист же по римскому праву лорд Роджер любил вводить в тексты своих решений вековые аксиомы права в их латинской транскрипции. Все это, по нашему мнению, свидетельствует о достаточно высоком уровне об-

щей культуры судебных лордов, без которой, как известно, немислима культура правовая.

При постановлении решений Верховным Судом Великобритании широко используется **сравнительно-правовая аргументация**. Надо сказать, что в странах англосаксонской системы права, особенно в США, уже давно идет очень серьезная дискуссия о том, вправе ли национальные суды ссылаться в обоснование своих правовых позиций на зарубежное законодательство или решения, принятые их иностранными коллегами. Нередко даже звучат голоса о прямом законодательном запрете подобного рода акций. Недавно эту идею поддержал председатель Верховного суда США Дж. Робертс, заметивший, что «в иностранном праве вы можете найти что угодно. Если вы не найдете чего-либо в судебных решениях Франции или Италии, оно обнаружится в решениях Сомали, Японии, Индонезии или еще какого-нибудь государства. Как кто-то сказал по другому поводу: смотреть на иностранное право в поисках поддержки — это как смотреть поверх толпы, выискивая своих друзей. Вы всегда сможете их там найти... И это действительно расширяет свободу усмотрения судей. Это позволяет судье оформить его или ее личные предпочтения, прикрыв их авторитетом прецедента и использовав его для толкования Конституции»³⁸.

Впрочем, и в американских, и в британских судебных решениях несложно встретить прямые отсылки к зарубежному праву и практике его применения, текстам решений органов конституционной юрисдикции зарубежных стран. Тот же Верховный суд США в деле 1976 года, касающемся интересов правительства Кубы, прямо сослался на судебную практику и доктрину Австрии, Бельгии, Канады, Великобритании, Египта, ФРГ, Греции, Гонконга, Италии, Филиппин и даже социалистической на то время Югославии³⁹. И неслучайно, поскольку, как заметил бывший судья Европейского Суда по правам человека А. И. Ковлер, «в сложных исследовательских ситуациях, подобно дорожно-транспортным, важно иметь “боковое зрение”, дабы следить за тем, как другие справляются со схожими проблемами»⁴⁰.

Прагматичные англичане давно осознали все преимущества свободного цитирования зарубежных прецедентов. К примеру, соответствующая интерпретация термина «проку-

ратура», заимствованная из французской теории и практики, стала одним из центральных аргументов Верховного Суда в «деле Ассанжа» хотя бы по той простой причине, что британское право не давало внятного ответа на вопрос, который надо было разрешить Суду.

Еще пример. В решении по делу *McFarlane v. Tayside Health Board*, в котором рассматривался вопрос о том, можно ли считать средства на содержание здорового ребенка убытками, возмещения которых могут требовать его родители от врача, стерилизовавшего мужчину, но прошедшего халатно постоперационные мероприятия, в результате чего жена пациента все же забеременела, была детально проанализирована соответствующая практика тех государств (главным образом ФРГ и Франции), где описанная проблема уже получила хоть какое-то нормативное регулирование. В этой связи лорд Стэйн особо подчеркнул, что «дисциплина сравнительного права не предусматривает составления перечня решений, вынесенных в разных странах. Она имеет другое неопределимое значение — направить наше внимание на значимость конкурирующих идей. И это напоминает нам, что право является частью мира этих идей, испытывающих на себе влияние культурных отличий»⁴¹.

Резюмируя, можно вслед за лордом Мэнсом повторить, что использование сравнительно-правовой аргументации в решениях британских судов, включая Верховный Суд, преследует следующие цели: 1) прояснить с помощью зарубежного права нормы национального законодательства; 2) дать национальным актам такое истолкование, которое вытекает из международных обязательств, взятых на себя Великобританией, и, наконец, 3) вынести судебное решение в соответствии с общепринятыми нормами жизни и принципами функционирования демократических правовых порядков⁴².

Как уже стало ясно читателю, к сравнительно-правовой аргументации теснейшим образом примыкает **аргументация международно-правовая**. В британских условиях она связана преимущественно с той или иной интерпретацией соответствующих положений Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Применительно к деятельности высшей судебной инстанции Соединенного Королевства эта проблема акту-

альна в том плане, что суд вынужден существенно корректировать свою практику и следовать решениям Суда Европейского Союза и Европейского Суда по правам человека, построенным во многом на немецких и французских образцах. Однако «игра стоит свеч», поскольку такая аргументация способствует единому пониманию и восприятию во всей правоприменительной практике международно-правовых стандартов прав человека и прецедентов наднациональной Страсбургской юрисдикции. Более того, едва ли требует особого обоснования тот факт, что во многих случаях нормы европейского права содержат в себе более гуманное регулирование, чем предусмотрено внутрисударственным законодательством, базируются на широкой концепции прав человека, опосредуют правовые и нравственные идеи, отражающие итоги развития современного, демократического цивилизованного общества. Проиллюстрируем эту мысль на конкретном примере.

Долгие годы при оценке законности управленческих актов англичанами использовался так называемый «тест Веднесбери», в соответствии с которым акт мог быть нуллифицирован только в том случае, если он казался суду «настолько неразумным, что ни одно разумное должностное лицо не могло принять подобное решение». Как следствие, эти правила ставили перед заявителем крайне сложную задачу: он должен был доказать не просто нелогичность или неправильность решения, а их крайнюю степень. Иными словами, степень неразумности должна быть настолько высока, чтобы представляться очевидной, понятной любому человеку. Однако в последние годы под влиянием европейских стандартов происходит постепенный отказ от обозначенного теста в пользу более гибкого подхода. Так, например, в решении по делу *R v. Secretary of State for Defense* было указано на потребность в отказе от стандартов Веднесбери в пользу принципа пропорциональности как основного стандарта оценки актов управления, вытекающего из Европейской Конвенции и трансформировавшего ее в британский правопорядок Акта о правах человека 1998 года⁴³.

И, естественно, трудно переоценить роль **историко-правовой аргументации**. «Аргументы от истории предполагают, — пишет Р. Уитц, — что решение базируется на проч-

ной, хорошо утвердившейся за долгое время основе. Иными словами, решения, основывающиеся на исторических отсылках, как бы защищают сложившееся статус-кво, создают впечатление стабильности и преемственности»⁴⁴. Указанное обстоятельство имеет особое значение для Англии, поскольку многие нормы неписаной британской конституции заложены в разного рода правовых обычаях и судебных прецедентах, насчитывающих подчас не одно столетие своего существования. Так, в решении по делу *R v. Adams* (1996) о выдаче ордера на обыск Апелляционный суд Англии и Уэльса обратился к решению 1784 года. В другом деле суд сослался на прецедент 1602 года. Наиболее часто обращение к старинным прецедентам применяется в области права собственности, наследственного права⁴⁵.

Примером такого подхода в деятельности Верховного Суда может послужить дело *Lucasfilm Ltd v. Ainsworth*, суть которого сводилась к тому, что художник, работавший с режиссером Дж. Лукасом на съемках фильма «Звездные войны», несколько модернизировал созданный им же в 1977 году шлем главных отрицательных персонажей фильма — имперских штурмовиков — и начал его производство в качестве сувенирной продукции в отрыве от компании Лукаса, которой принадлежали исключительные права на всю атрибутику фильма. Помимо прочего, судьям предстояло выяснить, подпадает ли игрушечный шлем под категорию «*sculpture*» в том смысле, в каком она понимается в Акте об авторском праве, дизайне и патентах 1988 года и им охраняется. Для уяснения этого Верховный Суд обратился к истории создания данного акта, материалам парламентских слушаний, законодательству, действовавшему в стране до принятия обозначенного Акта, а именно к Акту об авторском праве 1911 года и аналогичному документу 1709 года, судебным прецедентам XIX и начала XX века и т. д. Однако повторимся, в условиях английского права, проникнутого глубоким историзмом и до сих пор сохраняющего в себе некоторые архаичные черты, обращение к историко-правовой аргументации является не просто демонстрацией сокрушительной эрудиции судей, как иногда это имеет место в случае с аргументацией литературно-публицистического характера, а, напротив, тем императивом, без

обращения к которому нельзя справедливо разрешить дело. Ведь, как не без иронии писал крупнейший киевский цивилист и основатель системы арбитражных судов в УССР Ю. Г. Матвеев, «если в Англии формально не отменены законы, карающие людей, предсказывающих погоду, либо женщин, употребляющих косметические средства для сокрытия своих недостатков, то что тогда говорить о делах, решения по которым зависят от мельчайших, невидимых непрофессионалу тонкостей?»⁴⁶

Остановимся теперь на положении **юридической науки** в Верховном Суде Соединенного Королевства.

Надо сказать, что влияние науки, которую, кстати говоря, можно понимать широко и не сводить исключительно к правовой доктрине, пронизывает деятельность Верховного Суда с разных сторон. Скажем, Суд не чурается достижений научно-технического прогресса, обогнав в этом постсоветские органы конституционной юрисдикции. Подтверждением этому служит проект, заработавший с февраля 2012 года. В соответствии с ним Верховный Суд Великобритании первым в мире среди высших судов государств будет извещать о своих решениях через сеть микроблогов «Twitter». Использование сервиса микроблогов, в свою очередь, позволит оперативно и просто информировать подписчиков о деятельности Суда. Нельзя не упомянуть и о прямых видеотрансляциях, осуществляемых из зала заседаний Верховного Суда по сети Интернет⁴⁷. В среднем веб-сайт Верховного Суда в месяц просматривают около 19 тыс. пользователей из разных стран мира⁴⁸.

Последняя из обозначенных практик получила распространение не только в Соединенном Королевстве. Так, в Конституционном Суде РФ (по крайней мере, до его переезда в г. Санкт-Петербург) все аккредитованные при Суде журналисты предварительно извещались о заседаниях, обеспечивались необходимыми материалами, им создавались благоприятные условия для производства записи. В Конституционном Совете Франции регламент предусматривает проведение прямой аудиовидеотрансляции в помещении, расположенном в здании Совета, в которое всегда открыт вход публике. Также председательствующий, предварительно спросив мнение

сторон, может разрешить трансляцию заседания в Интернете.

Однако дело, разумеется, не в технических новинках и приспособлениях. Влияние науки на судебную деятельность определяется отнюдь не интернетизацией здания Суда (хотя на всей территории Middlesex Guildhall действует высокоскоростной Wi-Fi), а прежде всего тем, насколько соответствующие научные доктрины и концепции влияют на внутреннее судейское убеждение и находят свое отражение в решениях юрисдикционного органа. В связи с этим симптоматично, что президент Верховного Суда лорд Нейбергер, характеризуя взаимоотношения вверенного ему суда и академической науки, применил поэтическую метафору, заимствованную у американского поэта Г. Лонгфелло. По мнению Нейбергера, судейство и научная деятельность соотносятся как два одиноких корабля, однажды перекликнувшихся друг с другом перед тем, как замолкнуть навек⁴⁹. Но так ли обстоит дело в действительности?

Прежде всего, отметим, что в английских судебных решениях (Верховный Суд — не исключение) цитируются, как правило, не все, а лишь те ученые, которые покинули наш бренный мир. Дело в том, что в Великобритании на протяжении вот уже нескольких столетий действует принцип «мертвый лучше читается» (*better read when dead*)⁵⁰. Лорд Рейд оправдывал существование этого правила, в частности, тем, что умерший профессор уже никогда не изменит своей точки зрения на проблему, подлежащую разрешению в судебном порядке⁵¹. Конечно, можно долго спорить об обоснованности и целесообразности данного принципа, однако, следует считаться с его существованием. Поэтому, скажем, цитирование лордом Мэнсом в своем особом мнении по «делу Ассанжа» учебника международного права, принадлежащего перу Я. Брунли, было не только данью памяти покойного друга (сэр Броунли погиб в авткатастрофе во время беспорядков в Каире в начале 2010 года), но также реализацией возможности, открывшейся ему лишь после этого трагического события. Однако тот факт, что при жизни ученые-правоведы редко цитируются в судебных решениях отнюдь не означает, что они не цитируются вовсе. Более того, можно с уверенностью утверждать, что удельный вес научных цитат стабильно увеличивается.

Английская исследовательница К. Стэнтон наглядно демонстрирует эту тенденцию на примере практики Апелляционного комитета Палаты лордов, сложившейся в отношении дел, касающихся обязательств причинения вреда. Если в 1991 году при разрешении дела *Alcock v. Chief Constable of the South Yorkshire Police* комитет вовсе не обращался к каким бы то ни было доктринальным источникам, то уже четырьмя годами позже в деле *Page v. Smith* лорд Ллойд использовал учебник «Clerk & Lindsell on Torts» и несколько научных статей по соответствующей тематике. Наконец, спустя еще четыре года, при разрешении дела *White v. Chief Constable of the South Yorkshire* ситуация изменилась кардинальным образом — все без исключения судебные лорды обильно пересыпали свои речи цитатами из классиков англо-американского деликтного права⁵².

В этом контексте занятно сравнить английский и американский подходы к цитированию. Если труды ученых цитируются в решениях высшего британского суда в меру (*sparingly* — как любят говорить сами англичане), то Верховный суд США в последние десятилетия охватила настоящая «мания цитирования», в особенности толковых словарей и словарей юридической лексики. По подсчетам ученого из Университета Огайо Л. Баума, непосредственное упоминание названных изданий в решениях Верховного Суда и особых мнениях судей возросло с 3,3% в последние пять лет функционирования «Суда Бергера» (1981—1986) до 33,3% в 2008—2010 годах⁵³.

Кроме того, следует учитывать также неосознанное, подспудное влияние некоторых философских и правовых концепций на мировоззрение верховных судей. В Англии существуют целые научные школы, стремящиеся объяснить, как тот или иной мыслитель повлиял на исход судебного спора в отношении конкретного дела. В частности, исследователем Дж. Ли убедительно доказано, что многие из утверждений лорда Хоффманна, высказанные им в решениях Апелляционного комитета, буквально навеяны работами известного американского философа права Р. Дворкина⁵⁴. А вот что указал в своей речи по делу *Hunter v. Canary Wharf Ltd* лорд Гофф: «Не хочется, чтобы читатель думал, будто бы я не обращался при разрешении данного дела к соответствующим научным трудам. Конечно,

обращался; более того, для меня это обычная повседневная практика, когда я обращаюсь к тем источникам, которые подтверждают мою позицию, не критикуя, однако, те из них, которые моей позиции противоречат»⁵⁵.

Было бы желательным, чтобы и Конституционный Суд Украины в своих решениях приводил ссылки на те доктринальные источники, которые ложатся в обоснование принимаемой правовой позиции. Равным образом допустимо упоминание научных воззрений, с которыми Суд не соглашается. В обоих случаях упоминание в тексте актов имен ученых и их работ, в которых затрагивается обсуждаемый вопрос, делает решение более авторитетным и наделяет его большей убеждающей силой.

Следует согласиться с А. Н. Верещагиным и А. Г. Карапетовым в том, что такая практика, помимо прочего, создавала бы важные стимулы для самой науки. Не секрет, что последняя в странах СНГ находится в крайне удручающем состоянии. У юристов, в принципе имеющих потенциальный интерес к научным изысканиям, зачастую не оказывается достаточных побуждений заниматься наукой. Деятельность эта практически не оплачивается. Нематериальные же цели, которые, по сути, и должны пробуждать научный интерес, у нас в стране достаточно туманны. Зачастую у ученого нет ощущения, что его труд вообще будет прочитан и воспринят теми, кто реально влияет на формирование правового регулирования. Поэтому вероятность того, что вклад ученого будет честно признан в решении высшей судебной инстанции, как это имеет место в Великобритании, повысит престиж академической работы и будет способствовать оживлению научных исследований. Например, в США авторитет научных теорий и школ регулярно измеряется по индексу цитируемости соответствующих статей и монографий в судебных решениях⁵⁶.

В этом отношении характерен пример, приводимый известным английским компаративистом греческого происхождения Б. Маркесинисом, когда один из английских лордов, решив «обойти» прецедентное судебное решение, построенное на аргументации другого лорда, сославшегося на концепцию Аристотеля о «распределительной юстиции», попросил адвоката «пробежаться» по электронным базам данных и подготовить справку, часто

ли английские судьи ссылались в прошлом на Аристотеля. Результат его более чем удовлетворил: обнаружилась лишь одна ссылка в решении по налоговому спору, то есть низкая цитируемость Аристотеля послужила контраргументом против судебного прецедента⁵⁷.

Справедливости ради отметим, что иногда в тексте судебных решений стран «общего права» можно встретить прямою полемику с научной доктриной (дело, совершенно немислимое для Украины, где многие судьи, да простится нам это утверждение, не только не знакомы с новейшими философскими течениями, но даже не в состоянии грамотно прочесть текст судебной присяги, как, скажем, это имело место при ее принятии членами Конституционного Суда в 2006 году). К примеру, в одном из решений Высокого суда Австралии сказано, что наука должна в большей степени развивать новые категории небрежности по аналогии с существующими категориями, нежели чрезмерно расширительно толковать уже имеющиеся базовые конструкции⁵⁸. Что касается Великобритании, то еще в 1965 году Палата лордов при рассмотрении дела *Button v. Director of Public Prosecutions* обратила внимание на ошибки, содержащиеся в трудах Арчболда и Рассела, хотя обе эти работы по-прежнему считаются классическими в области уголовного права⁵⁹. А в решении Апелляционного суда Англии и Уэльса от 10 мая 1971 года говорится о том, что «юридическая теория должна уступать дорогу практической политике»⁶⁰.

По нашему мнению, сам факт полемики с учеными свидетельствует о признании их значительной роли в британском правопорядке и, если угодно, об известных надеждах, которые связывают с ними практические работники (насколько эти надежды оправданы — другой вопрос), о наличии некоего дискурса, в который на равных погружены, как сказали бы у нас, и «теоретики», и «практики». Примечательно, что среди судебных лордов существует даже известная специализация касательно тех доктринальных источников, которыми они обычно руководствуются. Так, лорд Хоуп зарекомендовал себя как выдающийся знаток шотландской научной литературы, лорды Гофф и Бингхэм не раз показывали себя тонкими ценителями сравнительно-правовых материалов, а лорд Роджер привносил в дискуссию свое знание римского права, ко-

торое, кстати говоря, он на протяжении двух лет преподавал в Оксфорде⁶¹.

В целях более красноречивой демонстрации динамики взаимодействия, сложившегося между юридической наукой и высшей судебной инстанцией Соединенного Королевства, крайне важно сопоставить статистику востребованности судьями научных материалов. Так, в уникальном в своем роде исследовании А. Патерсона, базирующемся на личных беседах автора с судебными лордами, приводится следующая информация (по состоянию на начало 1980-х годов): из девятнадцати судей, когда-либо бывших судебными лордами, четверо являлись официальными подписчиками английских правовых журналов «Law Quarterly Review» и «Modern Law Review», пятеро регулярно их просматривали, еще трое (включая легендарного лорда Деннинга) читали их от случая к случаю и четверо толком не знали об их существовании⁶².

Однако уже на протяжении 1990–2009 годов тот же журнал «Law Quarterly Review» цитировался в их решениях 58 раз, а «Modern Law Review» — 17. Наиболее часто прибегали к научным источникам лорды Кук (22 упоминания доктрины в 5 судебных речах), Бингхэм (56 упоминаний в 18 речах), Гофф (68 упоминаний в 22 речах), Стэйн (101 упоминание в 37 речах)⁶³. В новом Верховном Суде лидерами по количеству ссылок на научную доктрину являются лорды Кларк, Мэнс и вплоть до своей отставки в 2013 году лорд Уокер. Кроме того, многие судьи сами являются авторами серьезных доктринальных исследований. В их числе баронесса Хэйл, автор нескольких учебников и обзоров судебной практики по семейному праву, и лорд Роджер, незадолго до своей кончины выпустивший очередную монографию под названием «Суды, церковь и конституция».

Подводя итог, можно констатировать, что судьи Верховного Суда Соединенного Королевства, как и их нижестоящие коллеги, все чаще и чаще используют научную аргументацию при разрешении спорных вопросов, цитируют различного рода литературные источники и, не стесняясь, приводят обширные фрагменты из них в текстах собственных решений. Так что, по-видимому, уже совсем скоро юридическая наука из «золушки» судопроизводства превратится в настоящую ко-

ролеву. Лондонское время — без пяти минут двенадцать.

Евсеев Александр Петрович — доцент кафедры конституционного права Украины Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого (г. Харьков, Украина), кандидат юридических наук.

uacongress@pisem.net

- ¹ Давид Р. Основные правовые системы современности. М. : Прогресс, 1988. С. 320.
- ² Там же. С. 138. Великий французский писатель Стендаль даже советовал начинающим авторам читать Гражданский кодекс Наполеона и другие правовые акты ради улучшения собственного стиля.
- ³ Цвайгерт К., Кетц Х. Сравнительное частное право : в 2 т. М. : Международные отношения, 2010. Т. 1. С. 266.
- ⁴ Lord Mance. The Common Law and Europe: Differences of Style or Substance and Do They Matter? Birmingham : University of Birmingham, 2007. P.3.
- ⁵ Цит. по: Lord Rodger. The Form and Language of Judicial Opinions // Law Quarterly Review. Vol. 118. 2002. P. 226–247, 245.
- ⁶ См.: Кросс Р. Прецедент в английском праве. М. : Юрид. лит., 1985. С. 175–197.
- ⁷ Цит. по: Головки Л. В. Судебный прецедент как ненормативный способ легитимации судебных решений // Вестник гражданского права. 2010. Т. 10. № 6. С. 6–34, 16.
- ⁸ Приводится по: Вильнянский С. И. Значение логики в применении правовых норм // Ученые записки Харьковского юридического института им. Л. М. Кагановича. 1948. Вып. 3. С. 91.
- ⁹ См.: Paterson A. The Law Lords. London : The Macmillan Press Ltd, 1982. P. 46.
- ¹⁰ См.: Эндрюс Н. Система гражданского процесса Англии: судебное разбирательство, медиация и арбитраж / пер. с англ. ; под ред. Р. М. Ходыкина. М. : Инфотропик Медиа, 2012. С. 217.
- ¹¹ Цит. по: Lord Kerr. Dissenting Judgments — Self Indulgence or Self Sacrifice? URL: <https://www.supremecourt.uk/docs/speech-121008.pdf> (дата обращения: 08.10.2012).
- ¹² См.: Козюбра М. І. Теорія юридичної аргументації: історія становлення, стан і перспективи у вітчизняній юриспруденції // Загальнотеоретичне правознавство, верховенство права та Україна :

- зб. наук. ст. / гол. ред.: А. Мелешевич. К. : Дух і літера, 2013. С. 570, 571.
- ¹³ Ллойд Д. Идея права / пер. с англ.: М. А. Юмашева, Ю. М. Юмашев ; науч. ред.: Ю. М. Юмашев. М. : Книгодел, 2004. С. 299.
- ¹⁴ О влиянии законодательства типа *habeas corpus* на русскую классическую литературу см.: Скрипичев Е. А. Английский «Habeas Corpus Act» в русской литературе XVIII–XX вв. // Историко-правовые исследования: Россия и Англия. М. : ИГП АН СССР, 1990. С. 14–23.
- ¹⁵ См.: *Lord Rodger*. Op. cit. P. 228.
- ¹⁶ Цит. по: Малишев Б. В. Судовий прецедент і стиль юридичного мислення // Проблеми філософії права. 2004. Т. II. С. 143.
- ¹⁷ См.: Лангенбухер К. Аргументация по аналогии в европейском праве. URL: http://krasn.pravo.ru/store/doc/doc/KATJA_LANGENBUCHER_ARGUMENT_BY_ANALOGY_IN_EUROPEAN_LAW.pdf (дата обращения: 17.10.2011).
- ¹⁸ Кудрявцева Е. В., Прокудина Л. А. Как написать судебное решение. М. : Юрайт, 2012. С. 92.
- ¹⁹ См.: Кросс Р. Указ. соч. С. 81.
- ²⁰ См.: *Lord Hope*. Writing Judgments: Judicial Studies Board Annual Lecture. London : JSB, 2005. P. 6.
- ²¹ Zander M. The Law-Making Process. 6th ed. New York : Cambridge University Press, 2004. P. 130. Среди русскоязычных источников по данной проблеме особо отметим: Верецагин А. Н. Судебное правотворчество в России: Сравнительно-правовые аспекты. М. : Международные отношения, 2004. С. 42–47; Богдановская И. Ю. Толкование конституции: опыт стран «общего права» // Право и политика. 2006. № 8. С. 67–72.
- ²² Zander M. Op. cit. P. 130.
- ²³ Цит. по: Верецагин А. Н. Указ. соч. С. 44.
- ²⁴ По подсчетам Б. Диксона, в 2011 году президент или его заместитель участвовали в рассмотрении 50 из 60 дел, находившихся в тот год в производстве Верховного Суда, причем по 12 делам оба они заседали в одном судебном составе. См.: *Dickson B*. A Supreme Year? URL: <http://www.newlawjournal.co.uk/nlj/content/supreme-year> (дата обращения: 17.02.2012).
- ²⁵ См.: *Lord Hope*. Writing Judgments: Judicial Studies Board Annual Lecture. P. 3.
- ²⁶ Как вспоминал впоследствии лорд Кларк, «будучи апелляционным судьей, я провел много “счастливых часов”, тщетно пытаюсь разобраться, где в речах судебных лордов скрыто *ratio decidendi*» (*Lord Clarke*. The Supreme Court – One Year On. URL: https://www.supremecourt.uk/docs/speech_101111.pdf (дата обращения: 11.11.2010)).
- ²⁷ *Lord Hope*. The Creation of the Supreme Court – Was It Worth It? URL: https://www.supremecourt.uk/docs/speech_100624.pdf (дата обращения: 06.03.2015).
- ²⁸ Цит. по: Головки Л. В. Указ. соч. С. 15.
- ²⁹ См.: *Hale B*. Judgment Writing in the Supreme Court. URL: https://www.supremecourt.uk/docs/speech_100930.pdf (дата обращения: 30.11.2010).
- ³⁰ См.: *Lord Kerr*. Op. cit.
- ³¹ См.: *Dickson B*. Close Calls in the House of Lords // From House of Lords to Supreme Court: Judges, Jurists and the Process of Judging / ed. by J. Lee. Oxford ; Portland, OR : Hart Publishing, 2011. P. 286.
- ³² См.: Ibid. P. 289.
- ³³ См.: Ibid. P. 299.
- ³⁴ Подробнее см.: *Hanretty Ch*. The Structure of Supreme Court Judgments: Eleven Ways to Leave One’s Mark // Cambridge Journal of International and Comparative Law. Vol. 2. 2013. No. 1. P. 41–46.
- ³⁵ См.: *Dickson B*. A Hard Act to Follow: the Bingham Court, 2000–2008 // The Judicial House of Lords: 1870–2009 / ed. by L. Blom-Cooper, B. Dickson, G. Drewry. Oxford ; New York : Oxford University Press, 2009. P. 271.
- ³⁶ См.: *Lord Hope*. Writing Judgments: Judicial Studies Board Annual Lecture. P. 6.
- ³⁷ Творчество Филипа Ларкина (1922–1985) практически неизвестно отечественному читателю, поэтому не откажем себе в удовольствии привести небольшой фрагмент из одного его стихотворения: «Вы девичью фамилию, увы, с замужеством утратили. Отныне ни голоса, ни ваших легких линий она не означает; с кем-то вы сошлись законным образом, и прежней не стать вам семантически, той, нежной, той, юной: буквы милые мертвы...» (пер. А. Кушнера).
- ³⁸ Цит. по: *Lord Reed*. Foreign Precedents and Judicial Reasoning: the American Debate and British Practice // Law Quarterly Review. Vol. 124. 2008. P. 253–273, 258.
- ³⁹ См.: Фрайот С. Использование Верховным судом США иностранных источников права в делах, касающихся коммерческих и экономических вопросов: анализ установившейся практики и современных споров // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 2(81). С. 23–33, 32.

- ⁴⁰ Ковлер А. Индивід як суб'єкт міжнародного права (повернення до дискусії) // Міжнародне право. 2012. № 1. С. 35.
- ⁴¹ Цит. по: Кьотц Х. Старі та нові проблеми порівняльного права // Порівняльне правознавство. 2012. № 1/2. С. 92.
- ⁴² Подробнее см.: Lord Mance. Foreign and Comparative Law in the Courts // Texas International Law Journal. Vol. 36. 2001. No. 3. P. 415–426.
- ⁴³ Подробнее см.: Judicial Reasoning under the UK Human Rights Act / ed. by H. Fenwick, R. Masterman, G. Phillipson. Cambridge, New York : Cambridge University Press, 2007. P. 182, 183.
- ⁴⁴ Уитц Р. Об отсутствии определенности в толковании конституции // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2002. № 1 (38). С. 26–35, 27.
- ⁴⁵ См.: Богдановская И. Ю. «Общее право»: конец «триумфа традиций» // Юридический мир. 2003. № 6. С. 17–22, 22.
- ⁴⁶ Матвеев Ю. Г. Предполагаемая реформа английского права // Советское государство и право. 1966. № 4. С. 125–128, 125.
- ⁴⁷ См.: Кудрявцева Е. В. Тенденции развития английского гражданского процессуального права после принятия Правил гражданского судопроизводства // Вестник гражданского процесса. 2012. № 2. С. 173–184, 179.
- ⁴⁸ См.: Филунс Н. Верховный Суд – новый шаг в конституционной истории Соединенного Королевства // Конституционный контроль: доктрина и практика : материалы международной конференции, посвященной 20-летию Конституционного Суда Российской Федерации (Санкт-Петербург, 28–29 октября 2011 г.) / под ред. В. Д. Зорькина. М. : Норма, 2012. С. 128–133, 132.
- ⁴⁹ См.: Lord Neuberger. Judges and Professors – Ships Passing in the Night? URL: <https://www.judiciary.gov.uk/wp-content/uploads/JCO/Documents/Speeches/mr-speech-hamburg-lecture-09072012.pdf> (дата обращения: 09.07.2012).
- ⁵⁰ См.: Duxbury N. Jurists and Judges: An Essay on Influence. Oxford ; Portland, OR : Hart Publishing, 2001. P. 78.
- ⁵¹ См.: Paterson A. The Law Lords. London : The Macmillan Press Ltd, 1982. P. 17.
- ⁵² См.: Stanton K. Use of Scholarship by the House of Lords in Tort Cases // From House of Lords to Supreme Court: Judges, Jurists and the Process of Judging / ed. by J. Lee. P. 202.
- ⁵³ См.: Brudney J. J., Baum L. Oasis or Mirage: The Supreme Court's Thirst for Dictionaries in the Rehnquist and Roberts Eras // William & Mary Law Review. Vol. 55. 2013. No. 2. P. 483–580. URL: <http://scholarship.law.wm.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=3503&context=wmlr> (дата обращения: 04.01.2013).
- ⁵⁴ См.: Lee J. Fidelity in Interpretation: Lord Hoffmann and 'The Adventure of the Empty House' // Legal Studies. Vol. 28. 2008. No. 1. P. 1–19.
- ⁵⁵ Цит. по: Stanton K. Op. cit. P. 207.
- ⁵⁶ См.: Верещанин А. Н., Каранетов А. Г., Тай Ю. В. Пути совершенствования правотворческой деятельности Высшего Арбитражного Суда РФ // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 6. С. 4–81, 33.
- ⁵⁷ См.: Markesinis B. Comparative Law in the Courtroom and Classroom. Oxford ; Portland, OR : Hart Publishing, 2003. P. 216.
- ⁵⁸ См.: Головкин Л. В. Указ. соч. С. 9.
- ⁵⁹ См.: Уолкер Р. Английская судебная система : пер. с англ. / пер.: Т. В. Апарова; отв. ред. и предисл.: Ф. М. Решетников. М. : Юрид. лит., 1980. С. 197.
- ⁶⁰ Цит. по: Лукашук И. Научный комментарий права и судебная практика // Советская юстиция. 1993. № 14. С. 5–6, 5.
- ⁶¹ См.: Stanton K. Op. cit. P. 223.
- ⁶² См.: Paterson A. Op. cit. P. 14, 15.
- ⁶³ См.: Stanton K. Op. cit. P. 224–226.